

Миннуллин Ким Мугаллимович, Закирова Ильсеяр Гамиловна

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТАТАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Статья посвящена исследованию жанрового своеобразия татарских волшебных сказок. В работе рассмотрены генезис, эволюция жанра, исследованы композиция, система персонажей, сюжетный состав сказок. Как показал анализ, главные мотивы и образы татарской волшебной сказки сходны с международными сюжетами. Выявлены и особенности, отражающие ментальность, быт и нравы татарского народа. В репертуаре татарской волшебной сказки преобладают произведения о борьбе героя с мифическими существами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 1. С. 42-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Аствацатуров А., Светикова Е. Ю. Петербург А. Белого и Улисс Дж. Джойса (опыт сопоставления) // Взаимосвязи и взаимовлияния русской и европейской литератур: материалы международной научной конференции / отв. ред. Л. В. Сидорченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 37-41.
2. Богданов К. А. Советская очередь: социология и фольклор [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/12.htm> (дата обращения: 19.04.2017).
3. Зиник З. Третий Иерусалим: роман, повести, эссе, письма. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 800 с.
4. Зиник З. Эмиграция как литературный прием. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 264 с.
5. Зиник З. Эмиграция как литературный прием [Электронный ресурс]: интервью. 20.03.2011. URL: <https://www.svoboda.org/a/2344073.html> (дата обращения: 23.04.2017).
6. Кукулин И. Фрагментация жизни: проза Павла Улитина и смена парадигмы автобиографического письма 1950-1970-х годов // AvtobiografiЯ. 2014. № 3. С. 129-169.
7. Макарова Л. Ю. «Невесты» в малой прозе А. П. Чехова и Д. Джойса // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2015. № 3. С. 205-215.
8. Минеева И. Н. Литература русского зарубежья (XX – начало XXI в.). Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2012. 168 с.
9. Михальская Н. П. Джеймс Джойс (James Joyce, 1882-1941) // Михальская Н. П. История английской литературы. 2-е изд. М.: Академия, 2007. С. 321-335.
10. Поэты в Нью-Йорке. О городе, языке, диаспоре / сост. Я. Клоц. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 692 с.
11. Рогова Е. Н. Мотив каллиграфии в творчестве Дж. Джойса и М. Шишкина // Дергачевские чтения – 2014: русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2015. С. 338-342.
12. Сергиенко И. В. Владимир Набоков о поэтике Дж. Джойса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 2. С. 22-29.
13. Спицына Л. А. Джеймс Джойс и Висенте Бласко Ибаньес: проблема литературных связей: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2001. 22 с.
14. Турта Е. И. А. М. Ремизов и Дж. Джойс: к постановке вопроса // Мировая литература в контексте культуры. 2012. № 1 (7). С. 68-73.
15. Wakamiya L. R. Zinovy Zinik's Narratives of Cultural Dislocation // Slavonica. 2006. Vol. 12. № 1. P. 41-55.

J. JOYCE AND EMIGRANTOLOGY OF Z. ZINIK (TO THE PROBLEM STATEMENT)

Mineeva Inna Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Petrozavodsk State University
 InnaV2003@yandex.ru

The article for the first time presents the observations on the reception problem of the Irish writer J. Joyce in the creative work of the Russian-British prose writer and essayist Z. Zinik. For the Soviet emigrant, the heritage and experience of J. Joyce as “a displaced person” is the basis for creating an autobiographical myth, the key to deciphering the secret and explicit aspects of foreign culture and his own bifurcated worldview, one of the sources of new unique philosophy of emigration and the artistic method. In the works of the Irish classic Z. Zinik not so much the plot lines, as the anthropological and social categories – the past and the present, displacement, identification, etc. – are interesting. Some statements of J. Joyce became for him symbolic expression of the various sensations that he experienced in a foreign land.

Key words and phrases: literature of Russian émigré community; comparative linguistics; emigrantology; identification; Z. Zinik; J. Joyce.

УДК 8; 398.21:82-34

Статья посвящена исследованию жанрового своеобразия татарских волшебных сказок. В работе рассмотрены генезис, эволюция жанра, исследованы композиция, система персонажей, сюжетный состав сказок. Как показал анализ, главные мотивы и образы татарской волшебной сказки сходны с международными сюжетами. Выявлены и особенности, отражающие ментальность, быт и нравы татарского народа. В репертуаре татарской волшебной сказки преобладают произведения о борьбе героя с мифическими существами.

Ключевые слова и фразы: татарская волшебная сказка; мифологические верования; сюжет; главный герой.

Миннуллин Ким Мугаллимович, д. филол. н., профессор
 Закирова Ильсеяр Гамиловна, д. филол. н., доцент
 Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
 Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.
 minullin.kim@yandex.ru; ilzakirova@mail.ru

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТАТАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Татарские волшебные сказки – это объемные произведения с увлекательным сюжетом, возникшие на базе мифов и основанные на переплетенном с фантазией вымысле и чудесных событиях. Несмотря на сходство

содержания волшебной сказки с мифологическим повествованием, между ними существует довольно существенное различие: мифологические рассказы воплощают верования, которые в свое время древними людьми воспринимались как явление или событие, действительно произошедшее. В сказках же, основанных на отрицании мифологической мистики, ни у кого не вызывает сомнения, что события являются вымышленными. Описанные в сказке мир, и царство, и главный герой, его деяния и поступки воспринимаются как нечто необыкновенное и необычное.

Время формирования волшебной сказки в качестве самостоятельного жанра приходится на период распада родового общества [4, с. 262-269]. Своим происхождением они обязаны мифам. Время, когда стала меняться сакральная природа мифа, утрачиваться безоговорочная вера в него, рассматривается как время превращения мифологических верований в сказку, как эпоха ее возникновения. Различие древнего мифологического рассказа и сказки состоит, прежде всего, в их восприятии, в вере или, наоборот, в неверии в действия и образы, описанные в содержании. В наше время волшебные сказки рассматривают как отражение психологических процессов, происходящих вне сознания [8]. В. Я. Пропп генезис волшебных сказок, их происхождение связывает с ритуалом инициации в древнем обществе [6]. На протяжении долгих лет этот взгляд советскими фольклористами воспринимался как аксиома. Несмотря на определенную долю истины, связывание происхождения сказок непосредственно с ритуалом, инициацией – на наш взгляд, одностороннее суждение. По сути, инициация, т.е. обряд посвящения юноши в воина, перевод его в разряд взрослых, сам возник на основе мифологических верований и в формировании волшебных сказок играл вспомогательную роль.

В волшебных сказках сохраняются и восходящие к мифам различные мотивы, и давно исчезнувшие реалии общественной жизни. К ним относятся культ предков, верования и обряды, связанные с экзогамным браком, эпизоды, воплощающие матриархальные отношения, картины жертвоприношения. Содержание волшебных сказок составляет сложный синтез далекого прошлого и воображаемого будущего. Как справедливо заметила Э. В. Померанцева, в основе волшебной сказки лежит народная мечта о счастливом будущем и социальном равенстве [5, с. 58].

В отношении содержания, эволюции жанра следует сказать, что в сказки, возникшие в далекой древности, каждое время и каждый общественный строй, в зависимости от особенностей того или иного периода, вносили отдельные изменения. Поэтому не вызывает удивления то, что в одном и том же тексте перемежаются мотивы, восходящие к родовому обществу, и картины, отражающие феодальную действительность. Новое время и даже капиталистические отношения приносят в традиционные сюжеты неизвестные реалии и героев. Наряду с младшим сыном, царем, царской дочерью, Дию (Дивом), Аждаха (Драконом), в волшебные сказки, пусть и частично, но начинают проникать торговцы, приказчики, солдаты, ищущие временную работу зимагоры-отходники. В волшебные сказки просачиваются мотивы, характерные для бытовых сказок. Но такие изменения не могут выдвигать основные различия двух видов жанров, например, из волшебных сказок – волшебные свойства.

Несмотря на то, что у татар традиции сказителей-чичанов давно исчезли как явление, мастеров-сказочников до 70 годов XX века можно было встретить во многих деревнях. О них немало интересных сведений можно прочесть в трудах Х. Ярми, Л. Замалетдинова [2, б. 192-233], Х. Гагиной [1].

Татарские волшебные сказки и по составу сюжета довольно сложный жанр. Любая волшебная сказка состоит из череды эпизодов, из которых либо один поясняет другой, либо является его продолжением. Поступки героя направлены или на борьбу с врагом, причинившим зло ему самому или его семье, или на поиски какого-либо волшебного предмета или невесты, или на создание семьи. В связи с этими нормативными канонами течение событий волшебной сказки условно можно поделить на три части: отъезд главного героя, приключения, которые случаются с ним вдали от родного дома, борьба с врагом, и, наконец, возвращение или же царствование вдали от родины после женитьбы на царской дочери.

Целью, которая побуждает героя покинуть родной очаг, может быть поиск утерянной вещи или той, которую велено найти, желание спасти похищенную Дивом царскую дочь или собственную мать, а также стремление получить знания или освоить какое-нибудь ремесло. В большинстве сказок герой пускается на поиски невесты или ставит цель жениться на царской дочери. Встречаются герои, которых прогнала злая мачеха или очутившиеся на чужбине из-за ее козней. Сказки «Кош эзләп йөргән хан улы» («Ханский сын, искавший птицу»), «Аучы егет» («Юноша-охотник»), «Ак байтал» («Белая кобыла»), «Ак бүре» («Белый волк»), «Нурсылу», «Сер тотмас» («Болтливая»), «Үги кыз» («Падчерица») основаны именно на этой ситуации.

В преодолении трудностей, победе над Дию или Аждахой ему способствуют волшебные предметы и встречающиеся по дороге помощники, обладающие магической силой. Сказка завершается тем, что герой, добившись поставленной цели, возвращается к себе на родину. Примером тому, что он возвращается с невестой или остается на чужбине царствовать, женившись на царской дочери, служат сказки «Көнгә күренмәс Сылу-көмеш» («Невидимая днем Сылу-кумеш»), «Алтын чәч» («Золотоволосая»), «Корчаңгы тай» («Паршивый жеребенок»), «Урман каравылчысы» («Лесной сторож»). Подобное завершение большинства сказок связано, разумеется, с иллюзорными взглядами народа – мечтой о справедливом царе.

Среди волшебных сказок есть такие своеобразные сюжеты, в которых герой нарушает определенные запреты. Так, в экспозиции к герою или к какому-нибудь имеющему к нему отношение лицу обращаются с табу, в которое когда-то верили люди. В связи с нарушением запрета в сказке появляется злая сила, несущая собой неприятности и горе. Например, в сказке «Сенелесе кәжә булган» («Его сестра была козой») старшая сестра не разрешает младшей пить воду из следа копытца животного, в сказке «Дию патша» («Царь-див») старик, оказавшийся на пути нуждающегося в помощи юноши, предостерегает его: «*Не ходи по опасной тропинке*»; в сказке «Тылсымлы чыбык» («Волшебный пруттик») отец говорит сыну: «*Не выдавай старшую сестру замуж, пока сам не женишься*». В сказке «Ярлы егет белән юха елан» («Бедный юноша и женщина-оборотень») табу

не называется открыто, но, несмотря на это, горе, свалившееся на юношу, т.е. женитьба на встретившейся у прокуби девушке, воспринимается как результат нарушения запрета татарского народа – «ночью по воду не ходят».

Остальная часть сюжета в большинстве сказок выстраивается по оговоренной выше схеме: главный герой с помощью волшебных предметов или помощников преодолевает различные трудности и преграды и добивается победы над злыми силами. И, как результат, он получает все то, зачем пустился в дальний путь. Дочь падишаха, попавшая в беду, бывает спасена, или в другом царстве встречается иная девушка, которая становится невестой юноши, и он, либо возвратившись на родину, либо оставшись с девушкой на чужбине, женится и создает счастливую семью («Алтын канатлы кош» – «Птица с золотыми крыльями»; «Тәмәке янчыгы» – «Кисет»; «Балыкчы карт» – «Старый рыбак»). В некоторых сказках представитель простого народа, отказавшись от предложенного трона или от жизни во дворце царя-тестя, забирает молодую жену к себе на родину («Мәче һәм ярлы егет» – «Кот и бедный юноша»; «Өч күгәрчен» – «Три голубя»).

Один из таких обычаев, когда герой-жених остается жить на стороне жены, по мнению ученых, связан с разновидностью экзогамного никаха (женитьбы). Следы этой разновидности брака сохранились, пусть и частично, в обычае у тюркских народов, когда жених подолгу живет в доме невесты. Явление, когда, уже женившись, юноша забирает жену к себе домой, появилось значительно позднее. В татарских сказках мы видим воплощение этих обычаев.

Еще одна из традиционных схем, характерных для композиции татарских волшебных сказок, связана с тем, что сюжетная линия начинается с описания того, как герой становится обладателем волшебного предмета. В сказке «Корчаңгы тай» («Паршивый жеребенок») женщина, затоптавшая овсяное поле, после поимки дает плешивому юноше свой волосок. После поджигания этого волоска появляется конь, который помогает преодолевать различные препятствия и преграды. В сказке «Ак байтал» («Белая кобыла») волшебный конь, поедающий ночами стога жита, после того как оказывается пойманным героем, становится его первым помощником. В сказке «Алтын кош» («Золотая птица») обладательница волшебной силы за свое спасение, а именно – освобождение из клетки, начинает служить царевичу. В сказках «Алтын канатлы кош» («Птица с золотыми крыльями») и «Яхшылыкка – явызлык» («Злом на добро») персонажем, подарившим своему сыну волшебную силу или чудесный предмет, является отец. В первой сказке он, умирая, оставляет сыну коня, выполняющего любые поручения; во второй, выйдя из могилы, сыну, пришедшему на могилу помолиться, дает перья, которые обладают магической силой орла, лебедя и красной птицы.

Очевидно, что в описанных выше и на первый взгляд как будто бы различных ситуациях есть типологическое сходство. Волшебный предмет попадает в руки главного героя либо в ответ на содеянное добро, либо в качестве помощи от какого-либо персонажа. Несмотря на разнообразие сюжетов, образов, персонажей, волшебные сказки, в сущности, состоят из череды общих компонентов, воплощающих действия героев. Такое традиционное и нормативное построение сказок выявил фольклорист В. Я. Пропп [7].

В татарских волшебных сказках представлено два вида конфликта. Первый основан на столкновении с образами Дию, Аждаха, воплощающих стихийные силы природы в понятии древнего человека, а также древние мифологические верования. Например, из исторических источников известно, что наши далекие предки в благодарность за воду либо с просьбой доброго урожая духу или реки приносили жертву. В сказках же храбрый юноша, убив Аждаха, спасает девушку, принесенную в жертву («Патша малае, анын апасы, юлбарыс һәм башкалар» – «Царевич, его сестра, тигр и другие»; «Ике туган» – «Два родственника»; «Аучы» – «Охотник»). Следовательно, обряд, некогда считавшийся священным, в сказке отрицается. В сказке «Таңбатыр» («Танбатыр» – букв. «Заря-богатырь») Дию, связанный с подземным миром, превратившись в бурю, похищает трех царских дочерей. В сказке «Ак бүре» («Белый волк») Дию, живущий за высоченной песчаной горой, недостижимой для человека, выкрадывает жену царя. Образы, воплощающие злые мифические силы, в которых народ когда-то верил, низвергаются героем сказки.

Второй традиционный конфликт связан напрямую с семейными традициями. Возник он в более позднюю эпоху, но в определенной степени тесно сочетается с героями и мотивами, связанными с первым видом конфликта. В то же время на арену выходят новые герои, имеющие отношение ко второму конфликту: притесняемый в семье, находящийся в тяжелом положении младший сын, плешивый юноша, падчерица. Их враги – это типы, порожденные новой эпохой: завистливые старшие братья или родные дяди, мачеха, обижающая падчерицу. В сказках народ этих оказавшихся в тяжелой ситуации героев берет под свое крыло и с помощью волшебства делает их богатыми и счастливыми. Примером этому служат сказки «Яхшылыкка – явызлык» – «Злом на добро», «Ут гармуны» – «Огненная гармонь», «Таз – патша кияве» – «Плешивый – царский зять». В таких сказках, разумеется, нашли отражение представление народа о справедливости, красоте, милосердии, истине. У волшебных сказок есть свой канон – несмотря на всю силу зла, всегда найдется добро, способное победить его. Все носители зла – родственники, предавшие героя, мачеха, отправившая падчерицу на верную гибель, в конце концов всегда получают заслуженную кару.

В татарских сказках уделяется достаточное внимание и попутчикам героя. Встретившиеся ему, отличающиеся от других сверхъестественной силой, скоростью, меткостью и т.д., оказывают ему помощь в различных ситуациях. Побеждая во многих состязаниях и испытаниях, они помогают главному герою добиться поставленной цели. Даже живущая в лесу одинокая старуха-убырь (варианты: колдунья) помогает герою советами («Үги кыз» – «Падчерица», «Көнгә күрәнмәс Сьлу-көмеш» – «Невидимая днем Серебряная Красавица», «Әйгәли батыр» – «Айгали-батыр»). Она дает герою клубок, показывает верную дорогу («Дутан батыр» – «Дутан-батыр», «Ике туган» – «Два родственника», «Гөлчәк» – «Гульчачак»). В мифопоэтике дорога или клубок символизируют судьбу [3, с. 18]. Даже встретившийся в пути старик может герою показать дорогу, оказать помощь. Этот образ в некоторой степени напоминает Хозыр Ильяса, популярного героя мифологии тюркских народов. Царская

дочь, ставшая причиной создавшегося конфликта, помогает герою разрешить самые тяжелые проблемы. Часто только лишь с ее помощью, советом герой добивается победы над Дию («Дию патша» – «Царь-див», «Таңбатыр» – «Тан батыр»). При переходе из одного мира в другой и при возвращении обратно приходят на помощь посредник между этим и тем миром – конь и мифическая птица Каракош (букв. «Черная птица»), или Семрут, благодарная герою за своих спасенных птенцов («Камыр батыр» – «Камыр-батыр»).

Следует отметить и некоторые особенности, которые нельзя встретить у других народов, например, в русских волшебных сказках. Так, у русских Змей, как правило, описывается как отрицательный образ, а в татарских сказках он всегда приходит на помощь герою («Елан патшасы Шахмара» – «Шахмара – царь змей», «Ак елан» – «Белая змея», «Ятим бала» – «Сирота»). Если в большинстве русских сказок главным героем выступает несколько глуповатый младший сын, с которым не считаются ни дома, ни в стране («Иванушка-дурачок»), то главный герой татарских сказок превосходит своих родственников и по силе, и по уму.

В волшебных сказках нашли отражение древнейшие мифологические представления, пережитки различных социальных эпох, обряды и обычаи татарского народа. Сюжеты татарских волшебных сказок сходны с сюжетами сказок других народов. Главный герой, который олицетворяет нравственный идеал народа, при помощи чудесных помощников преодолевает многочисленные препятствия, одерживает победу над злом и достигает поставленной цели. Антагонистами главного героя являются Дию (Див), Аждаха (Дракон), в которых воплощены враждебные человеку природные силы и явления, ложные герои. В волшебных сказках татарского народа утверждаются общечеловеческие и нравственные ценности.

Список источников

1. Гатина Х. Х. Вақытында табылган якутлар: әкиятләр, истәлекләр һәм хатлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 191 б.
2. Жамалетдинов Л. Ш. Татар әкиятләрен барлау юлында / тәз. И. И. Ямалетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2015. 264 б.
3. Закирова И. Г. Мотив «написанной» судьбы в тюркском фольклоре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2010. Вып. 4. С. 17-20.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с.
5. Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 128 с.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. 360 с.
7. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 151 с.
8. Франц М.-Л. фон. Психология сказки: толкование волшебных сказок / пер. с англ. Р. Березовской и К. Бутырина; науч. ред. В. В. Зеленского. СПб.: Б.С.К., 1998. 360 с.

GENRE SINGULARITY OF TATAR MAGIC FAIRY TALES

Minnullin Kim Mugallimovich, Doctor in Philology, Professor
Zakirova Il'seyar Gamilovna, Doctor in Philology, Associate Professor
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
minnullin.kim@yandex.ru; ilzakirova@mail.ru

The article is devoted to the study of the genre singularity of Tatar magic fairy tales. The work deals with the genesis, the genre evolution, the composition, the system of characters, and the plot structure of the fairy tales. As shown by the analysis, the main motives and images of the Tatar fairy tale are similar to international plots. Features representing the mentality, way of life and customs of the Tatar people are identified. The repertoire of the Tatar magic fairy tale is full of works about the characters' struggle with mythical creatures.

Key words and phrases: Tatar fairy tale; mythological beliefs; plot; main character.

УДК 82

В статье рассматривается такой феномен в американской литературе и журналистике 1960-70-х годов, как «новый журнализм», а также его влияние на современную журналистскую практику. Изучены актуальные материалы, основанные на синтезе приемов журналистики и художественной прозы, доказана эффективность такого подхода к написанию текстов. В статье впервые анализируются работы американских журналистов Л. Райта и Р. Б. Крамера в их связи с традицией «нового журнализма» XX века.

Ключевые слова и фразы: новый журнализм; литературный журнализм; американская журналистика; факт; достоверность; Том Вулф; Ричард Бен Крамер; Лоуренс Райт.

Новоселова Мария Евгеньевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
mn-jour@mail.ru

НОВЫЙ ЖУРНАЛИЗМ: ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

В американской словесности XX века важное место занимает направление, возникшее в 60-70-х годах на стыке журналистики и литературы. Оно получило разные названия: «паражурнализм» (Д. Макдоналд [24]),